

Он открыл дверь пассажирского сиденья и сел, сняв шляпу:

— У меня всего пять минут, так что говорите кратко.

За рулем сидел мужчина средних лет в деловом костюме. При ближайшем рассмотрении его черты лица были весьма похожи на черты Суй И, но выглядел он более сдержанным, а его серьезное выражение лица придавало ему вид чрезвычайно важной персоны.

— Прошло полгода, ты уже наигрался? — спросил Суй Чэн.

— Игрался? — лицо Суй И было скрыто маской, и его выражение не было видно. — Я не играю.

— Снимаешься под палящим солнцем в каком-то дешевом фильме. Ты не чувствуешь, что это унижительно, а мне стыдно.

Суй И холодно ответил:

— Я снимаюсь в своем фильме, какое вам до этого дело? Если кто-то спросит, скажите, что я уже выгнан из дома и больше не ваш сын.

У Суй Чэна был тяжелый характер, и из-за частых хмурых бровей на лбу залегла глубокая складка. Он демонстрировал весь свой напор, привычный для деловых войн:

— Кто тебя выгонял? Это ты сам ушел из дома, ты сам не слушаешься. Ты ставишь на кон свою блестящую карьеру из-за каких-то обид. Это детский сад!

— Да, я поверхностный и незрелый, — сказал Суй И. — Я не выучил ваши методы, когда вы играете с людьми, как с пешками, и не способен на такие подлые и мерзкие поступки.

— Мерзавец! — Суй Чэн взорвался, сжав кулаки, но, встретив спокойный и бесстрашный взгляд сына, заставил себя успокоиться. — Не пытайся меня спровоцировать. Я знаю, что ты меня ненавидишь, но это не повод разрушать свою карьеру. Твоя мать, если бы она была жива, не хотела бы видеть, как ты сам себя губишь.

Суй И усмехнулся:

— Мать? Именно сейчас вы решили вспомнить о матери, чтобы надавить на меня?.. Сам себя губишь? Разве оставаться в том так называемом доме и аплодировать вашей искренней любви с тем человеком было бы правильным выбором?

— Это твой учитель, который растил тебя с детства!

Суй И чуть не рассмеялся:

— Меня растила мать. А учителем я стал по вашему желанию, ради ваших личных интересов. Если бы я знал, что все эти годы занятий скрипкой были лишь прикрытием для романа отца, я бы разбил свою первую скрипку еще тогда, а не ждал бы столько лет.

Матери уже не было, и он лишь сейчас решил уйти. Но что толку?

Суй Чэн не стал объяснять сыну свои действия, понимая, что некоторые вещи он не сможет понять в своем возрасте. Он провел рукой по лбу, сменив тему:

— Учитель нашел тебе новую консерваторию. Как только оформят визу, ты сможешь уехать.

Все это время он бегал, достал для тебя знаменитую скрипку, каждый день протирает её и ждет, когда ты вернешься и попробуешь сыграть. Если у тебя есть обида, направь её на меня, но не на него. Он все эти годы учил только тебя, он хочет, чтобы ты добился успеха.

Глаза Суй И на мгновение вспыхнули, но быстро успокоились. Он произнес:

— Пусть оставит её себе. Я больше не буду играть.

С этими словами он открыл дверь автомобиля. Жара снаружи встретилась с холодом внутри, создавая ощущение, будто он стоит на границе между огнем и льдом. Суй И посмотрел на высокое солнце и сказал отцу:

— Мне сейчас хорошо, пожалуйста, больше не беспокойте меня.

На обратном пути Суй И снял маску и шел, опустив голову, не замечая, как несколько девушек украдкой фотографировали его.

Он вспомнил тот день, когда увидел своего отца и учителя, которых он уважал много лет, в объятиях друг друга. Это был такой же жаркий полдень.

В тот момент все его догадки и подозрения нашли выход. Множество деталей, на которые он раньше не обращал внимания, хлынули в его голову. Печальный взгляд матери перед смертью, уклончивые ответы тети — всё это наконец обрело объяснение.

Тогда он чувствовал, как грудь сжимается, сердце будто трескалось под давлением, а внутри бушевало что-то, что не могло вырваться наружу. Он быстро вошел в класс, где проводил по пять часов каждый день на протяжении 365 дней в году. Учитель говорил, что у него выдающийся талант, и при должном усердии он обязательно добьется успеха. Он посвятил все свое свободное время игре на скрипке, лишь чтобы услышать похвалу от учителя.

Теперь все его усилия превратились в шутку.

Он разбил свою любимую скрипку, но ярость в его груди не утихла.

Его поступок взрослые восприняли как детский побег из дома, как бессмысленный протест, но у него не было другого способа справиться с болью.

Когда Нин Лань открыл дверь, на нем было только белое полотенце. Босиком он подпрыгнул и вернулся в кровать:

— Ты же сказал, что на пять минут, а прошло уже пятнадцать.

Суй И ничего не ответил, открыл планшет, закрыл видео с танцем и продолжил смотреть фильм, который они не досмотрели в тот день.

Нин Лань не заметил его странного состояния. Сидя на кровати и растягивая ноги, он продолжал ворчать:

— Ты так сильно сжимал, что у меня на ногах синяки остались.

Суй И обернулся, взглянул на синяки на внутренней стороне бедер Нин Ланя, затем снова повернулся к экрану и бросил ему на кровать флакон с «Юньнань Байяо».

Нин Лань взял спрей, встал на колени на кровати и, обняв Суй И сзади за шею, начал

капризничать:

— Ты сам сделал, так и помоги мне намазать.

Он все еще был в том же настроении, что и до ухода Суй И, его привязанность и ласковость были написаны на лице.

Однако Суй И не был в настроении разбираться в этом. Его эмоции за эти пятнадцать минут изменились, и он не мог вернуться к прежнему состоянию.

Нин Лань продолжал прижиматься к нему, его обнаженная грудь терлась о спину Суй И. Во время их последней близости он заметил, что Суй И любит трогать его кожу, и предположил, что эта довольно нежная кожа, возможно, была плюсом в глазах его покровителя.

— Я завтра уезжаю, ты правда не поможешь мне? — он торопил.

Его слова были искренними. Эти два дня прошли так легко и весело, что, приближаясь к отъезду, он начал бояться, что, как только он покинет эту маленькую комнату, ему снова придется столкнуться с тьмой и жестокостью в одиночестве, и больше никто не будет его защищать.

Суй И посмотрел несколько минут фильма, прежде чем медленно взять спрей. Нин Лань накрыл нижнюю часть тела полотенцем, вытянул ноги, а Суй И, не проявляя особого терпения, брызнул несколько раз и снова повернулся к экрану. Нин Лань внезапно встал на колени, обнял его и прижал лицо к его груди:

— Я уже ухожу, не хочешь перед этим...?

Суй И смотрел на него, умоляющего о близости, но его мысли вернулись к тому летнему дню, когда его любимый учитель, с таким же невинным лицом, совершал самые развратные поступки.

— Ты больше не будешь учить танцы? — спросил Суй И.

Нин Лань потерся щекой о него:

— Ну, это тоже своего рода упражнение.

С этими словами он протянул руку к низу Суй И. Его движения стали более уверенными, он чувствовал, как орган постепенно увеличивается в его руке, его сердце начало биться чаще, и он медленно приблизил свое лицо, чтобы прикрыть губы Суй И.

Суй И сначала не двигался, позволяя Нин Ланю использовать все свои уловки, чтобы возбудить его. Но когда Нин Лань осторожно просунул язык, Суй И внезапно перехватил инициативу, прижал его к кровати и начал грубо и жадно кусать его губы.

— М-м... — Нин Лань испугался его внезапной агрессии, но не стал сопротивляться, покорно прижавшись к нему и убрав язык, чтобы не быть укушенным.

Только когда Нин Лань начал задыхаться, Суй И отпустил его покрасневшие губы. Нин Лань тяжело дышал, медленно осознавая, что с Суй И что-то не так.

— Что с тобой... что случилось? — спросил он, запыхавшись.

Суй И не ответил, в его глазах было видно желание, но в глубине таилось что-то, чего Нин Лань не мог понять.

Нин Лань начал расстегивать пояс Суй И, его прохладные пальцы зацепились за край нижнего белья и потянули вниз:

— Не грусти... Я сделаю тебе приятно, хорошо?

Его слова звучали как просьба, но тело уже действовало самостоятельно. Он перевернулся на живот, помня, что Суй И был гетеросексуалом, и в прошлый раз они занимались любовью при слабом освещении. На этот раз было светло, и, повернувшись спиной, он надеялся, что это не будет проблемой.

Нин Лань достал из-под подушки нераспечатанный презерватив и протянул его назад:

— Там уже готово... Надень это.

Он услышал звук расстегивающегося ремня, затем что-то твердое и толстое проникло между ягодицами. Он еще не был готов, как человек сзади раздвинул его ягодицы и вошел.

<http://bllate.org/book/16833/1565481>